

На правах рукописи

Бондаренко Екатерина Андреевна

**Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал
в исторических системах духовного производства**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Курск – 2014

Работа выполнена на кафедре философии и истории науки
ГБОУ ВПО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный руководитель:

Борисов Сергей Николаевич,
доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Бабинцев Валентин Павлович
доктор философских наук, профессор, зав.
кафедрой социальных технологий, НИУ
«Белгородский государственный
университет»

Черкашин Михаил Дмитриевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых и
уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ
ВПО «Курская академия государственной
и муниципальной службы»

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н.
Толстого», кафедра философии и
культурологии

Защита состоится 25 декабря 2014 г. в 16.00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.104.05 по философским наукам при ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 33).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 33).

Автореферат разослан ____ _____ 2014 г.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте КГУ:
<http://www.kursksu.ru>.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук

Е.А. Царёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В эпоху неоиндустриализма меняется специфика не столько материально-технического базиса производства, сколько характер труда и системы общественного производства, что связано с ускоренно возрастающей интеллектуализацией, сложным взаимоотношением материального и духовного производства в современном мире.

Новый индустриализм трансформирует не только основания трудовой деятельности человека, но и формы общественных отношений, в которых она реализуется, так как изменяется их природа, фундаментом которых всегда выступают отношения собственности. Они связаны с изменением целостной системы духовного производства, преломляются в литературно-художественном творчестве и массовой культуре, в образовании и воспитании субъектов интеллектуального творчества, формирующих культурный капитал и интеллектуальную собственность.

Большую роль при устранении рисков и деструктивных эффектов в этой сфере играет усиление рационального управления производством инноваций (нового знания, новых смыслов и новых технологий) и продуктов культурного творчества, развитие институтов трансляции знания и аксиологических норм, креативных и инновационных форм жизнедеятельности человека, их конвертация в культурный и человеческий капитал в неантагонистических социальных формах.

Как мы видим, обозначенная проблема субъектов интеллектуального труда, культурного капитала и специфики духовного производства располагается в широком междисциплинарном пространстве. Всё это определило наше обращение к философско-культурологическому и философско-антропологическому подходу в осмыслении тематического поля диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы интеллекта, интеллектуального труда, духа и духовности могут считаться «классическими», так как ещё в античности Платон и Аристотель дали различия «технологической» работы ремесленников и теоретической деятельности философов, которых действительно можно считать первыми «европейскими интеллектуалами» в прямом смысле этого слова. Это во многом определило наше обращение в диссертации к исследованию культурно-исторического и историко-философского контекста жизни античных интеллектуалов.

Для нашего исследования генеалогии интеллектуального труда интерес представляли работы по древнему Востоку выдающегося советского историка М.А. Коростовцева, опираясь на которые можно реконструировать и специфику творчества писцов. Также следует отметить имена таких видных историков, филологов и философов, как С.С. Аверинцев, Т.В. Блаватская, И.Р. Блохина, Т.В. Васильева, Ю.С. Довженко, А.Б. Егоров, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосев, А.С. Мельникова, А.В. Петров, И.Е. Суриков, Э.Д. Фролов и др.

Средневековой интеллектуальной элите и интеллигенции повезло меньше: в исторической медиавистике долго преобладали исследования «ментальностей», сознания «молчаливого большинства», «народной религиозности» в духе школы Анналов и исторической социологии. Исключения составили классическая работа Ж. Ле Гоффа «Интеллектуалы в средние века» (1957) и книга А. Де Либера «Средневековое мышление» (1995), учёных, ведущих своеобразный диалог-полемику во времени. В отечественной науке важную роль играют работы М.Т. Петрова и Л.М. Баткина, посвящённые культуре, интеллигенции и стилю мышления эпохи Возрождения (и частично средневековью). Особое место в нашей диссертации мы уделили критическому использованию идей М.К. Петрова, который был единственным, кто в советской науке конца прошлого века в своих работах употреблял понятие «интеллектуал» применительно к античности, средневековью и Новому времени, разрабатывая проблематику творчества, генезиса философии и науки, европейского способа культурного кодирования и научной революции XVII в. как интеллектуальной.

Можно упомянуть имена философских классиков XVII-XIX веков, субъектов «интеллектуальной революции», которая пришлась на эти столетия и привела к торжеству научного рационализма и апологии творчества, развитию законодательства в сфере авторского права и охраны интеллектуальной собственности. И. Кант употреблял понятие «интеллигенция» применительно к человеку как разумному существу, обладающему разумом, волей свободной и нравственной ответственностью. Г.В.Ф. Гегель оставил нам в «Философии права» первые философские идеи о «духовной собственности».

Но если новоевропейская философия и рефлексировала проблемы «интеллекта», «интелигибельности», «интеллигенции», «разума» и «рассудка», то осмысление интеллектуального труда, духовного производства и науки как высшей формы рационализма в современном понимании мы находим в работах К. Маркса. В связи с этим особое место в исследовании интеллектуалов и интеллектуального труда в культуре и обществе занимают разработчики социологии знания, социологии науки и образования (Дж. Бернал, Д. Дьюи, Б.Р. Кларк, Т. Кун, И. Лакатос, Б. Латур, К. Манхейм, Р. Мэртон, Дж. Нидам, Д. Прайс, М. Полани, К. Поппер, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд и др.), которые позитивно или полемически были зависимы в своих работах от рукописного наследия и идей К. Маркса. Сюда же можно отнести и авторов Франкфуртской школы или близких им интеллектуалов.

Интересно, что проблема интеллектуалов и интеллигенции как особой социальной группы возникла именно в русле революционного движения и политико-идеологической борьбы в Европе и России XIX – начала XX вв. В России XIX века рождается наша отечественная «интеллигенция», а в 60-е годы этого столетия появился в русском публичном и литературном дискурсе (раньше европейского) соответствующий термин, который становится общеупотребительным и обозначает не только «новый образованный класс» (разночинцев), но становится синонимичным такому феномену как русский «нигилизм». Спор, разгоревшийся в России между революциями начала прошлого

века вокруг сборника «Веги», посвященного роли интеллигенции в революции. В это же время и во Франции появляется концепт «интеллектуал» и очень близкие споры вокруг него и соответствующей социальной группы. Рождение концепта связывают с манифестом Э. Золя «Я обвиняю» и его позицией в «деле Дрейфуса». Именно тогда европейский интеллектуал, как и в России интеллигенция, признаётся «властителем умов», «совестью нации» и т.п. Вышедшая в 1927 г. книга Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов» обозначила острую полемику вокруг феномена «интеллектуалов». «Ситуация интеллектуала» в западном гуманитарном дискурсе очень хорошо представлена в книгах и статьях самих интеллектуалов: Х. Арендт, С. Вайль, Р. Барт, П. Бурдьё, А. Грамши, Ж. Делёз, Ф. Гватари, Ж.-П. Сартр, М. Фуко и другие мыслители внесли свой вклад как в «торжество», так и в «смерть интеллектуала».

В начале XXI века эта критика и самокритика интеллектуалов вылилась в утверждение о том, что в эпоху «когнитивного капитализма» на смену «критическому интеллектуалу» пришли «профессионалы» и «эксперты» (публикации У. Дюваля, К. Шарля, М. Сюрра и др.). Следует отметить отечественные издания, полно осветившие эту ситуацию проблематику: «Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре» (М., 2005); Хапаева Д. «Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий» (М., 2005).

В советской науке и философии в 70-е и 80-е годы прошлого века было написано много работ, посвященных природе «интеллигенции» (проблема «интеллектуальной элиты», наверное, считалась неуместной): работы Н.Н. Винокурова, И.С. Кона, В.Б. Кувалдина, В.Р. Лейкиной-Свирской, Н.И. Мигунова, Л.П. Сверчковой и др. В это же время в русле творческого переосмысления марксизма было начато и развитие теории духовного производства: свой вклад внесли Н.С. Злобин, Э.В. Ильенков, Н.Н.Козлова, М.К. Мамардашвили, В.М. Межуев, Т.П. Матяш, Н.В.Мотрошилова, А.В. Потёмкин, Е.Я. Режабек, Л.П. Сверчкова, И.Н. Сиземская, Э.Ю. Соловьев, В.И. Толстых, В.С. Швырев и др. На рубеже XX и XXI столетий прошли конференции («Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Неаполь, 1997»; «Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации. Москва - Улан-Удэ, 2012» и др.), опубликованы работы, посвященные не только феномену отечественной интеллигенции, но и различению «интеллигенции» и «интеллектуалов» (М.Л.Гаспаров, В.Ж. Келле, Ю. М. Лотман, М.К. Мамардашвили, И.Б. Роднянская, В. Страда, Б.А. Успенский и др.).

Возникновение понятия «человеческий капитал» и его понятийно-теоретическое обоснование соотносится с работами Т. Шульца, который впервые исследовал феномен человеческого капитала в начале 60-х годов. Идеи Т. Шульца развил Г. Беккер, который интерпретировал поведение «гомо экономикус» как всецело рациональное и целесообразное, а под человеческим капиталом понимал определенный запас навыков, знаний, навыков и мотивов экономической деятельности, формирующихся на протяжении всей активной жизнедеятельности

любого человека путем инвестиций (индивидуальных и коллективных в семье или на предприятии, общественных через государство) в общее, профессиональное образование и переквалификацию, что ведёт к накоплению профессионализма и опыта, сбережению здоровья, трудовой мобильности, интеллектуальной и информационной активности. Наиболее радикальное теоретическое развертывание концепт «человеческий капитал» получил в работах Чикагской экономической школы, ставшей кузницей кадров современного неолиберализма (М. Фридман и С. Кузнец и др.). Главное в неолиберальном понимании человеческого капитала составляет процесс превращения человека в капитал-компетенцию, «самопредприятие», «человекофирму», которые не только конвертируют в процессе жизнедеятельности инвестиции в себя, но и конкурируют на рынке услуг и внутри предприятий с другими субъектами человеческого капитала, с «человеками-предприятиями». Некоторые современные западные исследователи, даже критически настроенные к неолиберализму, утверждают, что здесь исчезают количественные оценки «интеллектуализированного», «нематериального» труда как реализации «живых знаний» (А. Горц) или «экспертного знания» (Э. Гидденс), что меняет природу когнитивного капитализма, делает возможной его трансформацию в «общество знаний».

В 70-е годы интерес к неолиберальным версиям человеческого капитала возник у такого крупного философа и социолога, как М. Фуко, который с его актуализацией связывал обоснование собственного концепта «практики себя», а также возможный прогресс человеческих «практик свободы». Реакцией на неолиберальную и фукианскую концепцию человеческого капитала стала теория культурного капитала П. Бурдьё, который ввёл это понятие применительно к критическому исследованию статусных и символических иерархий, возникающих в буржуазном обществе по причине неравного доступа к культурному капиталу в семье, а затем в системе общего и профессионального образования. Он использовал и такие понятия как «социальный капитал», «символический капитал» и т.п., часто отождествляя эти феномены с культурным капиталом, а иногда выделяя в качестве особых модусов человеческой жизнедеятельности.

Человеческий капитал в инновационном развитии общества знаний и когнитивного капитализма (в том числе и применительно к системе образования) наиболее продуктивно исследуют Т. Аклемайер, А. Горц, К. Марацци, э. Руллани и др. В отечественной социально-гуманитарной науке в последние годы проблемы «человеческого капитала», взаимоконвертация культурного и человеческого капитала в их сопряжении с инновациями в основном исследовались экономистами и социологами применительно к развитию промышленных предприятий и сферы услуг. Следует отметить работы Р.И. Капелюшниковой, Ю.А. Корчагина, В.В. Радаева, Н.М. Римашевской и др.

Для целей нашей работы важными являются исследования индустриального, информационного и постиндустриального общества (Дж. К. Гэлбрейт, Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер), концепции технократии и меритократии (Х. Арендт, Х. Барнс, З. Бжезинский, Ж. Гурвич, Х. Шельски, М. Янг

и др.), «общества знаний» (Р. Лэйн, А. Горц, Дж. Майер, Дж. Нейсбит, Р. Райх, Н. Штер, Д. Дж. Фрэнк, и др.), «когнитивного капитализма» (Б. Польре), «общества риска» (У. Бек, Г.Бехманн, Н. Луман).

Философско-культурологическое и философско-антропологическое исследование интеллектуального труда в контексте исторического развития систем духовного производства, институциональной специфики интеллектуалов (элиты) и интеллигенции (субъектов массофикации продуктов интеллектуального труда в духовном производстве), осмысление производства, воспроизводства и конвертации культурного и человеческого капитала в творчестве интеллектуалов и интеллигенции различных эпох остаётся, к сожалению, на периферии систематических исследований. Наша диссертационная работа ставит своей задачей посильное восполнение этих пробелов в отечественной философии.

В соответствии с этим мы выделили **объект** нашего исследования – *интеллектуальный труд как основа духовного производства.*

Соответственно, **предмет исследования** – *субъекты интеллектуального труда и отношения собственности в исторически конкретных системах духовного производства.*

Цель диссертационной работы: *реконструкция и интерпретация культурно-исторических типов интеллектуалов, форм интеллектуального труда и культурного капитала в доиндустриальных и индустриальных системах духовного производства.*

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение конкретных **задач**:

– дать философско-культурологическое определение базовых понятий в их взаимосвязи («интеллектуальный труд», «духовная деятельность», «духовное производство», «культурный капитал», «собственность»);

– исследовать институциональные механизмы трансформации анонимных субъектов интеллектуального труда в первичные формы авторского творчества и культурного капитала в восточных системах духовного производства;

– понять природу перехода к авторскому творчеству и специфику культурного капитала интеллектуалов в духовном производстве доиндустриальных цивилизаций Европы (античность, средневековье, Возрождение);

– определить специфику интеллектуального труда, культурного и человеческого капитала и их превращенных форм в индустриальном духовном производстве.

Выбор **методологии** обусловлен объектом, предметом и исследовательскими задачами. Мы опирались в изучении эволюции феноменов интеллектуального труда, культурного и человеческого капитала и инноваций в историческом и современном культурном контексте на диалектический и сравнительно-исторический методы, культурно-цивилизационный и деятельностный подходы.

Сложным системным и структурно-функциональным характером интеллектуального труда и духовного производства, специфики конвертации культурного и человеческого капитала в духовном производстве, сочетанием

идеологических, политических, этнокультурных и иных модусов этих феноменов обусловлено применение системной методологии.

Антропологические, знаково-символические и коммуникативные формы существования феноменов интеллектуалов, интеллектуального труда и культурного капитала в различных системах духовного производства, а также необходимость реконструкции этимологических смыслов базовых концептов (капитал, собственность и т.д.) обязывали использовать герменевтический и культурно-семиотический методы.

Научная новизна исследования:

– предложено определение интеллектуального труда как институализированной формы целесообразной умственной деятельности человека и субстанции духовного производства, в котором производство идеальных продуктов и культурного капитала не сводится к «сознательным» и «рациональным» модусам деятельности, органически сочетается с ценностно-волевыми моментами, включает иррациональные импульсы активности конкретно-исторических индивидов;

– выявлены исторические моменты генезиса институциональных структур духовного производства восточных цивилизаций (писцовые школы), в которых реализовался труд древних «интеллектуалов», получающих первичный авторский статус, творческую субъектность и «культурную капитализацию».

– доказано, что процесс институализации и трансформации интеллектуального труда, духовного производства и культурного капитала в античности, средние века и в эпоху ренессанса связан с появлением личного авторства, зафиксированного в письменных текстах как продуктах творчества первых европейских интеллектуалов, и превращением письменности, школы и университета в массовые феномены духовного производства и трансляции инноваций.

– введено положение о том, индустриальный тип духовного производства, первоначально связанный с авторским творчеством интеллектуалов в науке и литературе Нового времени, наиболее полно проявился в феноменах интеллектуальной собственности (патенты, авторское право и т.п.), научных и технологических инноваций, имеющих как всеобщую культурную значимость, так и товарно-денежное, стоимостное измерение.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Деятельный индивид, обладающий неповторимой культурной телесностью (персонализированный габитус), включается в коллективные организмы (коллективный габитус) и практики духовного производства различных форм капитала: экономического и культурного (социального, символического, человеческого, интеллектуального). Индивиды, обладающие культурной телесностью (габитусами) как собственностью и капиталом, создают особые социальные институции, ценности и нормы, в рамках которых организуется труд интеллектуалов, творцов нового знания, смыслов и технологий, и интеллигенции, репродуцирующей инновации в конкретно-исторических системах духовного производства.

2. В восточных цивилизациях появляются социальные корпорации («интеллектуалы» и «интеллигенция» писцовых школ как первого института духовного производства), которые монополизируют письменность и продукты интеллектуального труда по производству и воспроизводству инноваций, используют письменность с целью кодификации и трансляции интеллектуальных инноваций в поколениях. Здесь начинается путь развития субъектов интеллектуального труда от автора-анонима через «авторитетное авторство» к автору-интеллектуалу, владеющему первичными формами культурного капитала, отличного от имущественной собственности и обладающего более высоким символическим статусом.

3. В античном мире интеллектуал получает достаточно сложную авторскую персонификацию, формируется развитая структура духовного производства и специфический интеллектуальный труд как созерцательный, связанные с поэзией, законотворчеством, философией, пайдейей и досугом и воспринятые в средние века в творчестве интеллектуалов-теологов на базе христианских школ и университетов (в лоне авторитета Бога). Доиндустриальный интеллектуальный труд характеризуется «гуманитарным», логико-риторическим способом создания мыслительных продуктов и корпоративными формами духовного производства и трансляции культурного капитала (школа, университет, монастырь). Культурный капитал теологов и философов постепенно сращивается с корпоративным производством капитала ремесленников и художников и становится предпосылкой интеллектуальной собственности в товарно-денежной форме.

4. В индустриальной цивилизации продукты интеллектуального труда и духовного производства выступают как специфический товар, а культурный (человеческий) капитал через становление правовых форм интеллектуальной собственности включается в целостную систему товарно-денежной экономики. В духовном производстве индустриализма продукты интеллектуального труда в качестве культурного капитала вступают в противоречие с частной собственностью на средства производства, в том числе на человеческий капитал как превращенную форму «рабочей силы», который измеряется уже не просто «рабочим временем», а виртуальными количественными показателями биржевых индексов и аукционных спекуляций по продаже культурных ценностей, бухгалтерским учётом интеллектуальной собственности на предприятиях, различного рода рейтингами в сфере культуры, науки и образования.

Научно-теоретическое значение исследования заключается в том, что оно содержит элементы нового знания в форме философско-культурологической и философско-антропологической интерпретации основных ментально-антропологических типов интеллектуалов, интеллектуального труда, культурного капитала и систем духовного производства, преодолевает ряд стереотипов в понимании данных феноменов.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты исследования внедрены в практику преподавания в НИУ «БелГУ» дисциплин юридического и экономического циклов, специальных курсов, способствуют

инновационной подготовке интеллектуалов-профессионалов как субъектов культурного и человеческого капитала, востребованных на рынке интеллектуальных услуг. Внедрение теоретических положений диссертации делает возможным подготовку практических рекомендаций по использованию результатов исследования в сфере довузовского, высшего и послевузовского образования, в дальнейших научных разработках, в культурно-социальной сфере и работе органов государственной власти и муниципалитета по прогнозированию развития рынка научных инноваций, образовательных, творческих и интеллектуальных услуг, формированию культурно-просветительских мероприятий.

Личный вклад автора заключается в философско-культурологическом подходе к пониманию специфики интеллектуального труда в качестве институализированной субстанции духовного производства; в различении интеллектуалов, творцов нового, и интеллигенции, трансляторов инноваций. Автор предлагает собственное понимание культурного капитала, генерированного в процессе воспитания и самовоспитания индивида и творческой деятельности социальных групп, занятых интеллектуальным трудом; даёт критику апологетических концепций «когнитивного капитализма», выдвигает новую интерпретацию количественных рейтингов в науке и образовании как превращённых форм капитализации культурного капитала, позволяющего представлять интеллектуальный труд в товарно-денежной форме.

Апробация работы. Автор изложил основные результаты исследования в работе научных конференций, в том числе: VII Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире» (г. Белгород 13 апр. 2012 г.); VIII Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: социально-антропологический кризис современной культуры» (Белгород 16 апр. 2013 г.); IX Международная научно-практическая конференция «Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования» (г. Калуга, 23-24 апреля 2014 г.); Международная научная конференция XXVII «Петровские чтения» (Ростов-на-Дону, 25 апреля 2014 г.). Результаты исследования использовались в преподавании на экономическом факультете НИУ «БелГУ».

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры философии и истории науки ГБОУ ВПО «Белгородский государственный институт искусств и культуры» и рекомендована к защите.

По теме диссертации опубликовано 8 научных работ (в том числе 4 статьи в журналах из списка ВАК РФ) общим объемом 3,05 п.л.

Структура работы. Структура диссертации состоит из введения, двух глав (по два параграфа), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В *первой главе «Рождение интеллектуала и интеллектуального труда в традиционалистских типах духовного производства»* реализовано философско-культурологическое исследование проблемы интеллектуального труда, культурного капитала и духовного производства; выявлены конкретно-исторические условия рождения субъектов авторского интеллектуального творчества и первичных форм культурного капитала в контексте духовного производства восточных цивилизационных систем.

В *первом параграфе «Интеллектуальный труд, интеллектуал, культурный капитал и духовное производство»* решается проблема философско-методологического определения базовых понятий, как «интеллектуальная деятельность», «интеллектуал», «интеллектуальный труд», «духовная деятельность», «духовное производство», «культурный капитал», «собственность». Отмечается, что понятия и термины «интеллект», «дух» и «духовное», как и понятия «интеллектуальный труд» и «духовный труд», в современной научной и философской литературе часто оказываются фактически тождественными и синонимичными.

С этим связан момент абсолютизации в труде, материальном и интеллектуальном/духовном, моментов рефлексивности, рациональности, сознательности и целесообразности. Но в реальной деятельности человека, а тем более специфических социальных групп (интеллектуалов и интеллигентов) и институтов, занятых производством идеальных продуктов и смыслов, «рациональное» и «волевое», экзистенциальное и ценностное, никогда не бывают разделены, а выступают в *органической целостности* духовной деятельности и интеллектуального труда. Интеллектуальный труд рассматривается как персонифицированный способ интеллектуальной деятельности конкретно-исторических, эмпирических индивидов, организованных в специфические институализированные группы. Интеллектуальный труд выступает в качестве «простого труда», ничем не отличается от материального труда и не является «непроизводительным». Они – разновидности производительного труда, так как любой труд, как реальное производство материальных и идеальных продуктов, включен в конкретно-исторические социальные системы и укоренен в онтологических, базисных основаниях жизнедеятельности человека.

Первое основание онтологии человека определяет его «телесное» и культурное *производство в семье*: от факта биологического рождения человека до его вступления в самостоятельную жизнь путем воспитания и самовоспитания, что также является специфическим трудом. В результате этого труда по производству и воспроизводству личности мы и получаем живого, конкретно-исторического человека как субъекта деятельности, агента-деятеля, производящего всё многообразие культурных практик (нет абстрактной практики «вообще») и вступающего в своей неповторимой индивидуальности, связанной с нераздельностью «игры физических и интеллектуальных сил» (К. Маркс), в мир и

общество, в общественное производство. Здесь формируется то неповторимое культурное тело человека («габитус» по П. Бурдьё). Индивиды включаются во всеобщий труд конкретно-исторического общества в качестве «габитусов», носителей культурного капитала и «соби» (собственности), сформированных универсальным трудом предыдущих поколений (в том числе собственных родителей и родного этноса), творцов истории, как специфические «культурные тела» и организмы по производству всеобщих связей в идеальной форме.

Именно труд по производству потребительных стоимостей создаёт не только идеальные и материальные продукты, но и самого человека как культурную телесность, которые и составляют «культурный капитал» – всеобщую и универсальную предпосылку человеческой истории и общественного производства. Наличное бытие «потребительных стоимостей» (сюда входит и земля, на которой обитает «род», первичный или исторический коллектив) и представляет собой то всеобщее богатство, как богом данное человеку («культурное богатство»), культурный капитал и собственность. Таким образом, собственность выступает как отношение индивида к вещам, другим людям и к самому себе (как соби-особи).

Второе онтологическое основание жизнедеятельности человека, вошедшего в своей, *собственной*, неповторимой индивидуальности (вот здесь и филогенетически, и онтогенетически появляется *собственность!*) в большой мир, полагается явным образом в формах социально-значимого разделения труда, в котором эта персонифицированная «игра физических и интеллектуальных сил» (К. Маркс) субъекта культурного капитала (собственности) получает общественное и коллективное признание, приобретает характер специализации, закрепляется в разделении труда на «материальный» и «интеллектуальный» (научный, эстетический, религиозный и т.п.), структурируется в качестве специфических форм материального и интеллектуального труда, закрепленных за отдельными индивидами и социальными группами часто в отчужденных и превращенных формах, и включается в конкретно-исторические способы духовного производства.

Во *втором параграфе* первой главы *«Генеалогия автора и генезис духовного производства»* исследуется социогенез «автора» и первичных форм духовного производства и культурного капитала-собственности.

В новоевропейских языках (в том числе и в русском) слово «автор» (актор), рождённое в античном культурном контексте, несёт множество смыслов и их модификаций: «актор» и «автор» оказались разведёнными терминами: утвердилось слово «актёр» как участник и фигурант (фр. *acteur* – исполнитель), связанное с *репродуктивным субъектом*, и слово «автор» (англ. *author* – как «творец» и как «виновник»), передающее смысл активности *субъекта творчества*. Здесь очевидным образом прослеживаются как творческие, авторские коннотации (творчество нового «интеллектуалами»), так и репродуктивные смыслы (массовое духовное производство, нормативный интеллектуальный труд «интеллигенции» по трансляции «нового» и воспроизводству его в качестве «образцов»).

Здесь мы столкнулись с необходимостью подвергнуть сомнению «социально-классовый схематизм» в объяснении истории и очевидные модернизации

стратификации древних обществ и цивилизаций. Мы исходили из того понимания, что неправомерно объяснять историю древних цивилизаций, употребляя такие понятия как «касты», «сословия», а тем более «классы», так как здесь имела место специфическая «субэтническая» или «этносоциальная» стратификация. Функцию управления целостностью этнокультурного коллектива первоначально и выполняли *жрецы* как *этносоциальная корпорация*, с которой связана внутренняя дифференциация древних этносов. Это уже и не «материальный труд», но и не совсем «духовный», а тем более не «интеллектуальный». Но труд, предполагающий некоторое «практическое», «рецептурное» и «неявное» знание (античное *технэ*), связанное с конкретными индивидами и особыми этносоциальными группами, разделение сакрального и профанного профессионализма, что подтверждается и фактом первоначальной торговли и товарно-денежных отношений при храмах. В этом контексте *храмовых технэ* и формируются особая группа, *создающая навыки письменности* и владеющая ими.

М.А. Коростовцев в своих работах доказал, что первоначально группами, которые монополизировали и письменность, и образование по наследственному, семейно-родовому принципу были *корпорации жрецов* (дети жрецов изучали геометрию и арифметику, астрономию). Однако, как он считал, нельзя обойти вниманием и такую корпорацию, как *египетские писцы*, явно отличную от жрецов. В научной литературе в качестве предпосылки появления личного авторства в структурах духовного производства чаще всего приводится творчество в специализированных, профессиональных группах «писцов», которые и стояли у истоков духовного производства.

Но были ли «жрецы» и «писцы» некими замкнутыми «кастами»? Были ли писцы «наследственной» и «семейной» корпорацией? Во-первых, профессия писца приносила через овладение культурным капиталом (образование в школе) вполне реальное, экономическое благосостояние. И, во-вторых, выбор профессий не был уделом «кастового» наследования, а предполагал, что писцом мог стать даже выходец из «простых семей». Здесь мы имеем дело с первичной вертикальной «социальной мобильностью», которую М.А. Коростовцев и зафиксировал на примере писцов Древнего Египта. При этом деятельность, которой занимались писцы, не являлась узкоспециализированной, а несла на себе *отпечаток универсализма*. *Один и тот же человек* мог последовательно занимать должности судьи и адвоката, советника фараона и поэта, военачальника и художника, руководителя работ по созданию некрополя и блюстителя царской усыпальницы, совмещать записи документов (быть просто писарем) со сбором налогов, заниматься сыском, мог быть посланцем (посланец фараона), военачальником, носителем опахала при фараоне и колесничим, начальником храма и т.д. Писцовые школы отличались от жреческих школ, и в них принимали по совершенно иным, не этнородовым основаниям, а по принципу *природных способностей*. Интересно, что аналогичные диатрибические практики мы находим и в Древнем Вавилоне, где существовали свои *светские писцовые школы* (э-дуба), также не ограниченные «кастово» и даже гендерно.

В чем же состояла специфика интеллектуального труда писца? Был ли этот труд авторским? В так называемых «научных текстах» по медицине, астрономии, математике, которые были сводами сакрально-рецептурного знания, мы или не находим «автора», или авторство приписывается богам (часто Тоту). Но это вовсе не значит, что исключительно религиозные мифы служили социокодом рецептурного знания. Аналогичные формы «анонимного авторства» мы встречаем и в литературе Древнего Вавилона. Здесь уже не совсем «фольклорное творчество», но ещё и не авторское. На этой стадии мы не выходим за пределы «авторитетного авторства», когда не столько боги, сколько легендарные герои, цари, владеющие «властью политической» или аэды, исполнители эпоса, наделенные «властью символической» (и символическим капиталом!) освящают своим именем те или иные тексты.

Этот момент культурной эволюции человечества и зафиксирован в феномене ветхозаветного творчества. В этом контексте рождаются *практики письменности*, которые становятся монопольной *собственностью (культурным капиталом) специфических групп людей*. Возникает собственность не столько как феномен *некоей самости индивида, захвата* им вещи (В.В. Бибихин), сколько как *отношение коллективное*, отношение между группами людей по поводу материальных и идеальных вещей.

Во **второй главе «Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в европейских типах духовного производства»** основная исследовательская задача связана с интерпретацией и пониманием трансформации интеллектуальной деятельности от её первичных форм, вписанных в традиционные культурные практики, к развитым структурам европейских типов духовного производства.

В **первом параграфе «Интеллектуал и культурный капитал в европейских типах доиндустриального духовного производства»** мы исследуем, как происходит переход к индивидуальному, авторскому творчеству и массовому духовному производству в доиндустриальных цивилизациях Европы (античность, средневековье, Возрождение).

Мы исходим из понимания «греческого чуда» (Э. Ренан) в контексте специфики античного полиса (как греческого, так и римского), обусловленной не его «классово рабовладельческой», а «этносоциальной» и «корпоративной» стратификацией. Этносоциальная и корпоративная структура античного полиса делала механизм культурного традиционализма очень подвижным и неустойчивым, что отразилось в подвижной ментальности древних эллинов и римлян. Слом и подвижность ментальных структур на антропологическом уровне служили предпосылкой и стимулом интеллектуального творчества, обращённого на слово.

Труд в ойкосе был по преимуществу земледельчим. Земля не была «капиталом» в нашем понимании, а составляла *культурный капитал-собственность всего полиса*, что и зафиксировали в своих законодательных практиках Драконт, Солон и Ликург и другие древние законодатели, одновременно и мудрецы, и поэты. Земля и сам человек как тело были не только культурным *капиталом-собственностью*, но входили в *сферу сакрального*, которая пронизывала фактически

всю жизнь древних эллинов и римлян. Здесь собственность и семья-дом представляли собой некое *нерасчленённое единство лиц и «вещей»*, в котором объект владения был частью субъекта, его «плоти», его соби. Человек в античности – тело-габитус и «живая вещь», не только некая внешность человека, но и его «жизненный мир» в нераздельности природно-телесного и социального, мир как собственность, удерживаемая в конкретном бытии человека.

Дело *создания* (по Х. Арндт) как ремесло-технэ в античности относилось к сфере символически не капитализированной, не «престижной». И это при том, что до нас дошли имена великих античных графиков (Эксекий) и скульпторов (Мирон, Поликлет, Фидий, Пракситель, Скопас, Лисипп), которые создали неповторимые произведения искусства и собственные стили. Это говорит о том, что деятельность ремесленников именно в Греции становится весьма индивидуализированной и *авторской*, а они составляли весьма многочисленную этносоциальную корпорацию своеобразных «интеллигентов». Здесь мы не видим «экономического капитала» в чистом виде, а лишь определённые формы культурного (символического и человеческого) капитала: ремесленники, разумеется, получали выгоду от собственной технэ (рецептурных знаний, умений и технологий), которые они старательно охраняли от непосвященных и передавали в эпоху классического полиса (как и в последующие доиндустриальные эпохи) уже не столько в рамках семейного традиционного наследования тайн своего ремесла, сколько в форме этнокорпоративных традиций.

И лишь *действие* и достойный образ жизни в полисе (bios) обеспечивали истинное бессмертие: творчество законотворцев, поэтов, риторов и философов, работа со словом, *действие как дело слова*. Фигура поэта – феномен сугубо античный. На древнем Востоке поэта как такового не было – именно античные поэты стали по-европейски первыми авторами, действительными субъектами *индивидуального творчества*. Появляются и специфические корпорации, занятые интеллектуальным творчеством: объединения поэтов и драматургов, философские корпорации и риторические школы, которые возглавляли именитые создатели и интеллектуалы (это не исключало и творцов-одиночек). В этот период рождается *институт школы* со своей корпоративной специализацией как особый способ производства видов «знания», который отличался от архаического воспитания и образования воина, осуществляемого просто старейшими членами рода и семьи. Первоначально пайдейю как школу создают именно *античные интеллектуалы* – творцы, авторы и новаторы. Античная пайдейя как школа и досуг становится областью приложения действия специализированной, массовой группы «античной интеллигенции», каковыми впервые стали софисты. Именно античная школа и универсальная пайдейя, первая развитая система духовного производства, формируют античного человека как культурный капитал и «интеллектуальную собственность». Эпоха греко-римского эллинизма довела античную пайдейю до совершенства.

В институциональном пространстве средневекового университета разворачивается рождение нового типа интеллектуала и формы интеллектуального

труда. Проблема для средневековья заключается в том, как различить христианских интеллектуалов-творцов и интеллигентов-подражателей, трансляторов нового, если все они принадлежали к «профессуре» средневековых университетов. Если соотнести с античностью, в которой тот, кого мы обозначили выше интеллектуалом, не занимался «ремеслом» и «учительством», т.е. технэ, а стремился к универсальному знанию в «биос политикос» и далее – к «биос теоретикос», к «созерцательной жизни» в философии.

На первый взгляд, новый образ жизни и новый интеллектуальный идеал средневековья современные французские учёные также связывают со средневековой философией. Ж. Ле Гофф, помещая средневекового интеллектуала в культурно-институциональное пространство города и университета, т.е. в XII век, речь ведёт по преимуществу об университетской философии и интеллектуальной работе, но необоснованно отделяет представителей философии, размещенных в пространстве факультета «свободных искусств», от теологов, закрепляя функции интеллектуала за первыми. Отделяет «философов» от «теологов» и А. Де Либера. Мы считаем, что философию, зачисленную в «искусства» («физика», «этика», «политика» и «поэтика» и т.д. в соответствии с тривиумом и квадриумом), средневековье отделяла как *vita activa* от *vita contemplativa*, как отмечала Х. Арендт. Это объясняет и то различие, которое существовало между «философией» и «теологией» на институциональном уровне в средневековом университете, как высшей формы христианской пайдеи.

Концом «интеллектуалов схоластики» стало, по мнению Ж. Ле Гоффа, их «превращение в интеллектуальную технократию». Но по мысли А. Де Либера, это стало и своеобразным «наказанием» философа-интеллектуала. Конвертация культурного капитала в экономический и политический, снисхождение интеллектуальных практик до уровня технэ в средневековых гильдиях купцов, ремесленников, архитекторов и художников подорвали «созерцательную жизнь» и теологов, и философов, а сам идеал созерцательной жизни в скором времени стала достоянием гуманистов Возрождения, новых интеллектуалов.

Но так ли уж отличается «гуманист», *homo litteratus*, от «философа» или «богослова»? И средневековые интеллектуалы, богословы и философы, и гуманисты опирались на образцы античной пайдеи и учёности – в этом плане и те, и другие «возрождали» античность. Гуманист не был абсолютно идентичен самому себе, как и средневековый интеллектуал, распадаясь на различные ментально-антропологические портреты. Петрарка и Микеланджело Буонарроти, Леонардо Бруни и Леонардо да Винчи, Лоренцо Вала и Сандро Боттичели, Пико делла Мирандола и Рафаэль Санти, Эразм Роттердамский и Альбрехт Дюрер – они различаются не столько по владению теми или иными «искусствами». Они одновременно и поэты, и натурфилософы, и математики, и художники. С точки зрения культурно-символического капитала они имели различный статус и владели различной «собственностью». Всё оставалось как в античности и в средние века: на вершине культурного капитала находился интеллектуал, поэт и мыслитель, а низшие этажи занимали интеллигенты-технари. Но здесь мы наблюдаем смещение и повышение

статуса культурно-символического капитала «ремесленников» и «технарей» по направлению к философии и поэзии, что ведёт к его успешной конвертации в экономический капитал: и те, и другие начинают получать бенефиции и от церкви, и от аристократов, и от негоциантов-меценатов. Реакция интеллектуалов-гуманистов на это приземление «созерцательной жизни» к простой деловой и технической активности привела к частичному перекодированию понимания самой природы интеллектуального труда, а затем и идеала созерцательной жизни, досуга-схолиэ.

Все эти встречные метаморфозы – интеллектуала в ремесленника-технаря, а ремесленника-художника в интеллектуала – не просто изменяли иерархию культурного капитала как продукта умственного труда, но трансформировали саму природу этого труда и всю систему духовного производства. Размывались корпоративные границы и социальные статусы: начиналось формирование «третьего сословия» Нового времени, куда на равных правах с предпринимателями, купцами, ремесленниками и прочими бюргерами вошли новые интеллектуалы и интеллигенты, распространяющие уже «научное просвещение» индустриальной цивилизации.

Во *втором параграфе* второй главы ***«Интеллектуал, культурный капитал и интеллектуальная собственность в духовном производстве индустриальной цивилизации»*** исследуется, как при переходе европейской культуры к новой, индустриальной системе духовного производства продукты интеллектуального труда становятся специфическим товаром и через становление правовых форм интеллектуальной собственности включаются в целостную систему капиталистической товарно-денежной экономики.

Самый беглый взгляд на возникающие вопросы делает очевидным, что интеллектуальная собственность и такие её формы как «авторское право» и т.п. рождаются вместе с капиталистическим способом производства в эпоху Нового времени и с включением интеллектуального труда и всего производства знания, других форм идеальных продуктов авторского творчества (инженерных, литературных, музыкальных, изобразительно-художественных, дизайнерских и т.п.) в соответствующие структуры духовного производства – от труда субъектов «свободных профессий» на заре индустриализма до контркультурных авторов творчества в виртуальных сетях, когда автор вновь начинает исчезать, становиться анонимным, как в мифе или фольклоре. В этом контексте возникают и проблемы природы культурного и человеческого капитала, их взаимодействия, специфики интеллектуальной собственности и её превращенных форм в духовном производстве нового индустриализма, обозначенного в современной западной и отечественной науке и философии такими расплывчатыми понятиями, как «постиндустриализм», «когнитивный капитализм» и т.п.

Экономический и политический кризис 70-х годов прошлого века в индустриально развитых странах положил конец доминированию кейнсианства и привёл к власти неолибералов. Именно в русле неолиберализма доминирующим стал концепт «человеческого капитала». Интересна реакция на этот концепт со стороны левых западных интеллектуалов. Первым, кто в начале семидесятых годов прошлого века ввёл целый веер понятий («культурный капитал», «символический

капитал», «человеческий капитал» и т.п.), был П. Бурдьё. В его понимании интеллектуальная собственность, является лишь одной из модификаций культурного и человеческого капитала, имеющего достаточно длительную историю.

Первую философско-антропологическую интерпретацию концепта «человеческий капитал» дал М. Фуко в лекциях «Рождение биополитики» (1978-1979 гг.), где он фактически примкнул к неолиберализму, отмечая, что «человеческий капитал» не поддаётся объяснению в рамках марксистской трудовой теории стоимости и капитала, так как К. Маркс будто бы ограничился только количественными показателями товара «рабочая сила» и не учёл качественной специфики «человеческого капитала». Действительно, К. Маркс упор делал в своём анализе труда на время как меру абстрактного труда специфического товара «рабочая сила», отвлекаясь от «качественных модуляций» труда. Но игнорировал ли Маркс в своём анализе труда его «качественные модуляции»? Выступает ли для него «труд» и носитель «труда», человек, в виде некоей безжизненной абстракции? Разумеется, нет: в хрестоматийном философском определении труде из «Капитала» речь прямо идёт о «качественных» модусах человеческой деятельности. Качественные определения труда теряются не в силу «абстрагирующей силы» ума теоретика, а в процессе социальной трансформации самого труда при переходе к механическому мануфактурному, а затем машинному, индустриальному производству.

Критики К. Маркса и классической политэкономии порой соглашаются, что количественное измерение рабочей силы и труда временем имеет смысл на ранней стадии индустриализма, в эпоху «свободной конкуренции». Но оно, якобы, теряет свою значимость при переходе к «постиндустриализму» и «обществу знаний». Так ли это? В этом плане интерес представляют достаточно противоречивые идеи Андре Горца, который говорит о превращении «рабочей силы» в «человеческий капитал» в условиях «общества знаний», когда не только научное знание, но и «неявное», неформализованное профессиональное знание («живое знание») становятся факторами социальной динамики. У А. Горца, как и у М. Фуко, главный интерес в концепте «человеческий капитал» представляет момент превращения человека в «самопредприятие», что очень важно для актуализации и развития фукианского концепта «практики себя», с которым он связывает прогресс человеческой свободы. Их интересует неолиберальный «человек-фирма» как реализация метафоры «человеческого капитала». Но разве у Маркса речь шла о том, что «базовым элементом» классического индустриализма является машина или рабочий, а не «предприятие» (вначале мануфактура, а затем фабрика)? Разве перенесение неолибералами конкуренции вовнутрь предприятия и её напряженная реализация между «человеками-предприятиями» (будь они наёмными инженерами, менеджерами или обслуживающими рабочими, заботящимися о своей профессиональной конкурентоспособности и «ликвидности») отменяет саму природу капиталистической конкуренции, которая только и создаёт капитал как самовозрастающую стоимость? Разумеется, нет.

К человеческому капиталу надо отнести не только время воспитания родителями детей и инвестирования в их образование и здоровье, но и время инвестирования в себя, которое происходит как до прихода «человека-предприятия» на большое «предприятие» после школы, колледжа или университета (при этом часто молодые люди вынуждены сами зарабатывать на учёбу «неквалифицированным» трудом), так и после, работая, под угрозой потери работы, затрачивая свои «доходы» и «свободное время» на инвестиции в себя. Здесь через задний ход возвращается измерение труда «человека-предприятия» временем и его количеством, когда обращается к тому факту, что все инвестиции в «человеческий капитал» так или иначе связаны с временными затратами семьи и самого индивида. Это вряд ли то «свободное время» как время свободной реализации человеческой личности, о котором писал К. Маркс. Это время заботы, когда индивид вынужден не реализовать смысл бытия, а думать о хлебе насущном «здесь и сейчас», о завтрашнем дне и о лучшей продаже своего «индивидуального предприятия» всё тем же транснациональным предприятиям.

Это и есть капиталистическая биополитика, о которой писал М. Фуко, в которой управленческие манипуляции жизнью человека со стороны общества и капитала дополняются самоманипуляциями человека. Это «время самоэксплуатации» вынесено за стены капиталистического предприятия (очень удачная неолиберальная экономия оплаты труда!) в семью (своеобразная социальная архаизация на основе новейших технологий). Человек фактически вынужден трудиться чуть ли не полные сутки над своим специфическим товаром «человек-предприятие», сменившим в «когнитивном капитализме» товар «рабочая сила». В сфере общественного разделения труда формируются такие *количественные индикаторы* для измерения специфического товара «знание», которые выступают превращёнными формами темпоральных характеристик труда, в том числе и труда интеллектуального.

Это связано с интеллектуальной собственностью, которая как собственность на патенты возникает еще во времена А. Смита и Д. Рикардо и делает «экспертные знания» специфическим товаром, покупаемым и продаваемым. К концу XIX века, когда капитализация интеллектуальной собственности в виде патентов достигает апогея, актуализируется и проблема интеллектуалов и интеллигенции. Разумеется, во времена «свободного» капитализма и первых форм капиталистического применения науки в индустриальном производстве не было и таких развитых *количественных индикаторов* измерения научного труда, как различного рода индексы цитирования учёного или рейтинги университетов, которые сейчас превращаются, как и финансово-биржевые индексы и индикаторы, в превращённые формы капитализации интеллектуального труда, имеющие вполне реальные денежные выражения.

В реалиях современной «постиндустриальной» экономики эти *количественные индикаторы* измерения научного интеллектуального труда и интеллектуальной собственности являются лишь *превращёнными и виртуализированными формами* всё того же времени, затрачиваемого конкретным

индивидом, будь он простым рабочим на китайском предприятии, российским чиновником, эффективным менеджером в транснациональной компании или профессором «предпринимательского университета». Это время эксплуатации человеческого труда, затрачиваемого на производство промышленных товаров, научных знаний, технологических инноваций или на образование и повышение квалификации. Это не отменяет капиталистической природы любого труда в современном мире «постиндустриализма» и его рационально-иррациональной природы.

В **заключении** подводятся основные итоги, рассмотрены нерешённые проблемы и намечаются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

***Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации***

1. Бондаренко, Е.А. Исторические и превращенные формы науки: рецензия на монографию Г.Н. Калининой «Границы науки и превращенные формы знания». Белгород, 2012 / Е.А. Бондаренко, Н.Н. Шамардин // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 329-331 (0,4/0,2 п.л.).
2. Бондаренко, Е.А. Концепты «человеческий капитал», «общество знаний» и «интеллектуальная собственность»: был ли прав К. Маркс? / Е.А. Бондаренко // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 329-331 (0,75 п.л.).
3. Бондаренко, Е.А. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий/ Е.А. Бондаренко, В.П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 2 (173). – Вып. 27. – Белгород, 2014. – С. 33-42 (0,96/0,5 п.л.).
4. Бондаренко, Е.А. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1/ Е.А. Бондаренко, С.Н. Борисов, В.П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 9 (180). – Вып. 28. – Белгород, 2014. – С. 5-18 (1,5/0,5 п.л.).

Публикации в других изданиях

5. Бондаренко, Е.А. Габитус человека и культурный капитал в современном духовном производстве / Е.А. Бондаренко // Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире: материалы VII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 13 апр. 2012 г. / под ред. В.П. Римского и др. – Белгород, 2013. – С. 22-23 (0,1 п.л.).

6. Бондаренко, Е.А. Концепт «человеческий капитал»: философско-антропологические смыслы / Е.А. Бондаренко // *Философия и наука поверх барьеров: социально-антропологический кризис современной культуры: материалы VIII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 16 апр. 2013 г.* / под ред. В.П. Римского и др. – Белгород, 2014. – С. 17-19 (0,2 п.л.).
7. Бондаренко, Е.А. Генеалогия автора и генезис духовного производства / Е.А. Бондаренко // *Наука. Культура. Искусство / БГИИК.* – Белгород, 2014. – № 3. – С. 184-189 (0,4 п.л.).
8. Бондаренко, Е.А. Интеллектуальные субкультуры в средние века и эпоху Возрождения / В.П. Римский, С.Н. Борисов, Е.А. Бондаренко // *Наука. Культура. Искусство / БГИИК.* – Белгород, 2014. – № 4. – С. 178-190 (1,1/0,4 п.л.).